

Афанасьев-Чужбинский А. С.

Поездка в южную Россию

Часть 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А94

А94 **Афанасьев-Чужбинский А. С.**
Поездка в южную Россию: Часть 2 / Афанасьев-Чужбинский А. С. – М.:
Книга по Требованию, 2020. – 442 с.

ISBN 978-5-518-01686-6

Очерки Днестра.

ISBN 978-5-518-01686-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Подольской губернии. Уголокъ этотъ отъ селенія Ануть до Хотина, который можно назвать русской Буковиной, чрезвычайно любопытеиъ для наблюдателя, какъ относительно своей мѣстности, такъ и племени руснаковъ, о которыхъ, сколько мнѣ помнится, не было еще нигдѣ подробностей. Руснаки впрочемъ живутъ и ниже, почти до Могилева (на Днѣстрѣ). На той сторонѣ, напр. въ Подольской губернии, обитаютъ тѣ же руснаки, но замѣтно уже между ними различіе какъ въ одеждѣ, такъ и языкѣ, хотя типъ ихъ одинъ и тотъ же. По обѣимъ сторонамъ Днѣстра отъ австрійской границы до Чернаго моря живутъ: малорусы (руснаки—отрасль малор.), молдоване, евреи, армяне, сербы, цыгане и великорусскіе раскольники, именуемые въ Бессарабіи *липованми*. а въ Херсонской губернии *палитонами*. Собственно наша Буковина, или лучше сказать, почти весь хотинскій уѣздъ составлялъ *Раю*, владѣніе хотинскаго пашы, отчего обитатели его называются доселѣ *райянами*. Конечно здѣсь не осталось уже слѣдовъ турецкаго владычества, но мѣстами сохранились еще отличные сады и фонтаны, построенные турками. да кое-гдѣ существуютъ нѣсколько стариковъ (въ Клишиковцахъ, Рухотинѣ), которые служили еще у турокъ и передаютъ свѣдѣнія о тогдашнемъ бытѣ, для насъ потерянномъ по неизбѣжно ишемшыхъ памятниковъ, но тѣмъ не менѣе интересномъ. Изъ разсказовъ этихъ однако же можно вывести заключение, что крестьянамъ было тогда хорошо, что они не подвергались никакимъ притѣсненіямъ, исключая одного обстоятельства: ни красивой жены, ни хорошенькой дочери нельзя было удержать въ домѣ—турки ихъ непременно переманивали и обращали въ магометанство. Здѣсь жили собственно помѣщики, платившіе известную сумму пашѣ, и жили патриархально. Если же появлялись солдаты изъ хотинскаго гарнизона, то не обходилось безъ насилія, которое однако же не проходило безнаказано, потому что помѣщикъ, принимая близко къ сердцу потерю крестьянина, бжалъ въ Хотинъ и добивался у пашы удовлетворенія. Но въ случаѣ пріѣзда какого нибудь чиновника изъ Константинополя, и если этотъ чиновникъ пошаливалъ, тогда, нечего дѣлать, на его шалости посматривали съвозъ пальмы. Безъ сомнѣнія, подобные чиновники пріѣзжали рѣдко, и жизнь райишъ тѣкла довольно мирно. Одно, что турки преслѣдовали и наказывали жестоко—это воровство, и для вора, пойманнаго на мѣ-

еть преступления, не было другого исхода как висѣлица, стоявшая постоянно въ хотинской крѣпости. Одинъ старикъ, мой хозяинъ въ деревнѣ Клишковцахъ, рассказывалъ, что рождественскій его какъ-то украсть на базарѣ простую глиняную трубку. Какъ ни ходатайствовали родные, какъ ни просилъ самъ владѣлецъ трубки, виновный былъ повѣшенъ. «Такъ-таки, хоть бы украсть цибулищу, то одвезуть до Хотина и завѣсить» заключилъ старикъ и, махнувъ рукою, выразилъ сожалѣнiе, что теперь не вѣшаютъ воровъ и что нынѣ не считается грѣхомъ обокрасть человека. Въ Хотинѣ и въ то время жили евреи, которые не славившись добросовѣтностью, и занимались торговлей. Чуть зашелъ кто нибудь въ еврейскую лавку, а ужъ турокъ и подстерегаеть выхода покупателя. Узнавъ что и сколько куплено, турокъ идетъ въ турецкую лавку и перевѣнть товаръ: если отпущено какъ слѣдуетъ, еврея не трогаютъ, но если покупатель обвѣшенъ,—еврея берутъ и налагаютъ нешо или, смотря по обстоятельствамъ, бьютъ по пяткамъ, но за второй проступокъ вѣдутъ на висѣлицу.

Бессарабскiе руснаки одного происхожденiя съ галицiйскими и жили здѣсь искони; я даже полагаю, что они не переходили ни Днѣстра, ни Прута, а поселились во время славянскаго движенiя въ Червоной Руси. Еще живущiе ниже Хотина, можетъ быть, во время религиознаго притѣсненiя въ Польшѣ перешли въ Бессарабiю; но есть свидѣтельства, по моему, непреложныя, что малорусское племя занимало не только сѣверную, но и среднюю Бессарабiю. На это наводятъ названiя деревень, заселенныхъ молдаванами не по одному Днѣстру, но и въ глубь страны, въ разныхъ направленiяхъ. Напр. Коржеуцы, Шшикоуцы, Якишоуцы, Маркоуцы, Косоуцы, и проч.; это малорусскiя села: Коржевцы, Шшиковцы, Якимовцы, Морковцы, Косовны. Вѣдѣствiе чего они населены молдаванами, добиться трудно, но крайней мѣрѣ мнѣ, безъ пособiя источниковъ; но предположить должно, что руснаки омолодавались. Во время моего пребыванiя въ сѣверной Бессарабiи я совершалъ поѣздки и гнзъ до Пруту до Новоселицы, а оттуда вдоль дороги, идущей отъ Днѣпавъ въ Могилеву, и находилъ деревни славянскаго происхожденiя. Напримѣръ мѣстечко, называемое официально Сикулъ, такъ отмѣчаемое и на картахъ, но видимо носитъ молдавское названiе. Но, если вы, не основываясь на официаль-

ныхъ именахъ, прислушастесь какъ называется его народъ, то убѣдитесь, что это *Сокиряне* отъ слова *сѣкира* въ малорусской его формѣ.

Что касается языка, то это особая отрасль малорусскаго нарѣчія, въ которое вошли нѣкоторые молдавскія и нѣкоторые турецкія слова (очень мало), но говоръ малорусскій и, какъ надо полагать, весьма древній, неподдавшійся послѣдующимъ перемѣнамъ. Такъ напримѣръ возвратная частица ставится впереди глагола, чего уже теперь нѣтъ въ Малоросіи, а старинныя пѣсни доказываютъ, что эта форма существовала на Украинѣ. Руснакъ говоритъ: *ся сміяти* (смѣяться), *ся хвалити* (хвалиться), *ся турбовати* (безпокоитьея). Частица эта употребляется точно также и при спряженіи: *я ся насміяю* (я насмѣялся), *вінъ ся похвалию* (онъ похвалился). Нѣкоторые слова произносятся съ перестановкою буквъ. Такъ малорусское *криниця* (источникъ) называется здѣсь *кірниця*, а глаголъ *говорити*, кажется такой обыкновенный, является здѣсь въ исковерканномъ видѣ—*вогорити*. «*Я тобі вогорую іди до кірниці.*» Даже въ пѣсняхъ, которыя все чисто малорусскія, слова произносятся согласно съ народнымъ говоромъ: .

Чи я жъ тобі не казала

Щ не вогорула и т. д.

Слово *нехай* (пусть, пускай) по руснацки *най*. «Най буде такъ, якъ я вогоривъ.» Одинъ—*единъ*, усякій—*уселякій*, усячина—*уселячина*. Творительный надежъ единственнаго числа въ именахъ женскаго рода, вмѣсто окончанія *оу*, въ иныхъ мѣстахъ имѣеть странную форму *оу*: рукоу, ногоу. За то повсемѣстно въ Райѣ слышится въ рѣчи слово *мой*, но вы не думайте, что это мѣстоименіе. Я долго не могъ понять его, а главное не догадывался о происхожденіи этого слова. Оно замѣняетъ слово *братъ*, употребительное не только у славянскихъ, но и у другихъ племей при разговорѣ двухъ незнакомыхъ лицъ, не знающихъ именъ другъ друга. «Ходи, мой, сюди!» «Дай, мой, тютюну!» «Ді, мой! мой!» кричитъ руснакъ другому, чтобы тотъ оборотился. Сначала я долго думалъ—откуда бы взялся этому слову, но потомъ, когда выслушалъ не одинъ рассказъ стариковъ о житьѣ-бытьѣ при туркахъ, особенно когда они передавали въ лицахъ какія шибудь происшествія, мнѣ пришло на

мысль—хотя и не выдаю этого за истину,—что турки употребили это слово при разговорѣ съ русскими. И теперь нашъ простолюдинъ, при встрѣчѣ съ иностранцемъ, въѣсто я, ты, говоримъ мой, твой и т. д. По крайней мѣрѣ я не могу иначе объяснить этого слова, непереводимаго, но понятнаго въ разговорѣ.

Погоня воловъ и лошадей, руснакъ утратилъ малорусскія междометія и замѣнилъ ихъ молдавскими. Гей! здѣсь: *тиари!* собою (направо)—*юйса!* пабе (направо)—*чала!*, иногда *чабал!* Последнее какъ бы усиливающее. Напримѣръ, крикнувъ нѣсколько разъ: *чала, чала*, руснакъ, если животное не слушается, закричитъ вдругъ *чабал!* и при этомъ отпугнетъ какое нибудь ругательство. Извѣстное во всей Россіи и неукладывающееся на бумагу, ну! замѣняется здѣсь легкимъ крикомъ го, го, го!

Относительно брани—я помню непристойной—изъ всѣхъ славянскихъ племенъ у руснаковъ самая страшная и разнообразная, что тоже замечено отъ молдаванъ, которые ругаются ужаснѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ. На что мастера закавказскіе татары, но и тѣ усунуть молдавану, особенно, если онъ не въ нормальномъ состояніи духа. Такъ и руснакъ, онъ слова не скажетъ, чтобы не пустить энергическаго выраженія, перѣдко импровизованнаго, но составленнаго чрезвычайно мѣло. Непристойныя брани, по крайней мѣрѣ въ Райѣ, такъ употребительны и до того сильнѣе со всѣми дѣйствіями, что не только мужчины, но женщины, дѣвушки, даже дѣти обоего пола ругаются публично, не считая стыдомъ произносить самыя вопіющія выраженія. Первый разъ я былъ пораженъ въ селеніи Перербійковцахъ. Мимо моихъ воровъ дѣвочка дѣтъ восемь глала гусей и остановилась поглазѣть на что-то. Гуен сворогани съ дороги и зашли во дворъ. Дѣвочка начала выгонять ихъ и при этомъ отпустила двѣ три такихъ фразы, которыми позавидовать бы лихой вельдебель, но которыя заставили бы покраснѣть пожилаго крестьянина. Мнѣ еще не удавалось слышать ничего подобнаго, и я подумалъ: гдѣ могла эта дѣвочка научиться подобнымъ черствямъ. Но не успѣлъ я войти въ квартиру, какъ хозяйка съ горемъ начала жаловаться, что *китка* (кошачка) выпила мой сливки, и при этомъ послала киткѣ—чудовищную неблагонпристойную фразу. После того, проживъ между руснаками, я узналъ, что неприличная брань у нихъ необходимая принадлежность и замѣняетъ всевозможныя проклятія, безъ которыхъ

не обходится крестьянинъ, чѣмъ бы онъ ни занимался. Чтобы покончить съ этимъ не могу не разсказать одного происшествія. Пробѣжала на обывательскихъ какая то значительная духовная особа. Самъ участковый застѣдатель (становой) сопровождалъ ее, и вездѣ на станціяхъ, гдѣ заготовлены были лошади, строго подтверждалъ, чтобы крестьяне не смѣли ругаться непристойными словами. Руснаки крѣпились. Но вотъ случилась крутая гора, да еще грязная послѣ недавняго дождя, и лошади остановились. Какъ ни били ихъ крестьяне, какъ ни помогали сами,—карега ни съ мѣста и еще откатывается назадъ. Особа выглянула изъ дверцы и поморщилась. Тогда къ ней подошелъ одинъ руспакъ, снялъ шапку и попросилъ позволенія только—*ся лаяти* (ругаться). Особа улыбнулась и дала разрѣшеніе. Вмигъ посыпались неизобразимыя варіаціи на извѣстную тему и карета благополучно выѣхала.

Костюмъ у мужчинъ мало отличается отъ малорусскаго. Мѣтомъ крестьянинъ ходить въ одномъ бѣльѣ, но только носить весьма широкій кожаный поясъ, усаженный множествомъ пуговицъ, который служитъ ему хранилищемъ разныхъ принадлежностей. Замѣчательно, что у руснаковъ по нашей Буковинѣ никогда не застегивается воротъ рубашки,—обстоятельство, считающееся у малоруса преступленіемъ, для чего имѣется даже насмѣливое названіе *розхриста*. Рубашки у руснаковъ очень длинны, гораздо ниже колѣнъ. Мѣтомъ мужчины носятъ соломенные шляпы своего издѣлія, которыя у молодыхъ парней вылетаются красивыми узорами à la jonc иногда весьма замысловато. И въ южной полосѣ не рѣдкость соломенная шляпа (бриль), но руснаки илетутъ ее гораздо некусеѣ прочихъ, и вообще у нихъ эта работа не носитъ отпечатка грубости, а какъ будто стремится къ нѣкотораго рода усовершенствованію. Молодежь украшаетъ свои *брили* цвѣтами, а иногда лентами. Обыкновенный и самый любимый костюмъ руснака куртка съ очень небольшими двухвершиковыми полками. Въ ненастье надѣвается онъ свиту (*жакета*), которая, сохраняя малорусскій покрой, имѣетъ канюнона сзади, имѣетъ просто четырехугольный кусокъ сукна, служащій, однако же, подобно *відлогъ*, защитою отъ непогоды. Руснакъ надѣваетъ этотъ кусокъ на голову и завязываетъ концы, что конечно не такъ удобно какъ *відлога*, но все же служитъ отъ дождя хорошою защитою. Зимой уютреб-

ляются: суконное платье, кофухъ, мѣховая шапка и рукавицы, — а воротъ рубашки все-таки не застегнуть.

Женскій нарядъ, не смотря на простоту, въ основаніи напочинная малорусскій, имѣеть однако же, особенно у дѣвушекъ, очень красивыя подробности. Состоить оны дѣломъ всего изъ куска шерстяной клѣчатой матеріи, которою обвертываются ниже груди, въ родѣ малорусской плахты. За то бѣлая рубашка у русачан на плечахъ и до локтей вышита и елками, стекларусочъ и кашлемю, иногда чрезвычайно красы. На голову (чужду Хотиночъ и Андучин) дѣвушки надѣвають красный фесъ, вышитый золоточъ, изъ подъ котораго висеть нынѣшнѣ козы и стекларусеныя подвѣски. Верхнее платье состоитъ изъ кофты бѣзъ рукавовъ и суконной свиты. Но женскія шубы шьются съ разными украшеніями; по талии и вездѣ на бокахъ вставлены лоскуты разноцвѣтнаго сукна причотливymi узорами, и отъ воротника висеть длинныя застѣжки съ металлическими шариками, а иногда простое, мишурные мишурки серебрянаго или золотаго цвѣта. На шеѣ множество монеть, которыя опускаясь иногда низко и волнистыми рядами лежать на прекрасно развитой груди. Выхода со двора, русачки обвязываютъ голову платкомъ, подобно молдаванкамъ, отчего вы не встрѣтите женщины съ загорѣлымъ лицомъ и пенеченой шеѣ, какъ это сплошь и рядомъ встрѣчается у нашихъ крестьянокъ.

Придѣстровскіе русачки праваго берега трудолюбивы, добродѣшны и рѣдки — послѣднее качество замечено отъ молдаванъ; но обитатели кусочка нашей Буковины въ пограничныхъ селеніяхъ развиты и съ дѣньгомъ занимается контрабандой. Виситъ въ этомъ крестьянина, конечно, нельзя въ такой степени какъ чиновника, но подобная торговля имѣеть недоброе вліяніе на жителей, приучаетъ ихъ къ скрытности, развиваетъ хитрость и служитъ проводникомъ многихъ порочныхъ наклонностей. Крестьяне однакожь рѣдко торгуютъ сами, а дѣйствуютъ въ пользу евреевъ, которые, какъ науки, притаились по самымъ глухимъ деревнямъ вблизи границы, и у нихъ все, какъ говорится, шито и крыто. Здѣсь, впрочемъ, на описываемой мною мѣстности, контрабанда небольшого размѣра, за то по Пруту доходить до значительной гифры. Придѣстровскіе контрабандисты переправляютъ чай, сахаръ, спички, полотно, но главное — переправляютъ лошадей и скоть, смотря гдѣ на послѣдніе цѣны выше.

Если въ Галиціи скоть и лошади дороже, ихъ переправляютъ изъ Бессарабіи, если же здѣсь цѣны выше, — перегоняютъ изъ Австріи. Понятно, само собою, что товаръ этотъ не покупной по большей части, а доставляется промышленниками своего рода.

Никогда не забуду я перваго своего путешествія въ нашу Буковину, въ глубокую осень, по береговой дорогѣ, по которой можно пробраться только въ руснацкой чертопхайкѣ. Рассчитывая на первый разъ лишь бѣгло взглянуть на неизвѣстное побережье, я взялъ съ собою продовольственныхъ запасовъ только дней на десять; но проведя тамъ, противъ ожиданія, все это время, я увидѣлъ, что припасы мои на исходѣ. Между тѣмъ я былъ уже въ сорока верстахъ отъ Хотина, а мнѣ предстояло путешествовать по крайней мѣрѣ недѣлю. Возвращаться же въ Хотинъ мнѣ еще не хотѣлось, и я рѣшился послать кого нибудь въ городъ. Стоя у воротъ, я говорилъ объ этомъ со своимъ хозяиномъ, а возлѣ небольшая кучка крестьянъ разсуждала о своихъ нуждахъ. Маишинально направился я къ Дифстру побродить по берегу. За мной шелъ руснакъ, беззаботно покурявая трубку.

— А чего вамъ треба до Хотина? спросилъ онъ, когда мы поворотили за уголъ.

— Та я давъ бы зашеку чого треба.

— На щожъ вамъ посилать до Хотина?

— А якъ же?

— Я вамъ принесу уселичини.

— Дежъ ты возьмешь?

— Отъ! ябъ то не знавъ! принесу и тильки.

Тогда только у меня мелькнула мысль, что недалеко за Дифстрочъ лежитъ австрійское мѣстечко. Конечно неблагоприятно воспользоваться контрабандой, но покупка моя, въ которой была необходимость, ограничивалась двумя, тремя рублями, а главное, мнѣ хотѣлось убѣдиться въ какой степени легко, въ виду двухъ разноцѣменныхъ кордоновъ, сообщеніе съ заграницей. Передо мною стоялъ крестьянинъ такъ себѣ, небольшой, сухощавый, но глаза его бѣгали быстро и повидимому пристально всматривались въ мою физиономію. Я подумалъ, нѣтъ ли у него запасу на дому и сказалъ:

— Хорошо, принеси мнѣ что скажу, я заплачу.

— Давайте гроші.

И вынул трехрублевый билетъ.

— Э, дайте срібла, або злата, на панері (бумажка) приидетца багато (много) стратить.

Онъ даже зналъ курерь!

— Миѣ нужно, сказалъ я, ово (5 фунта) сахару, око свѣчей.

— Лоіовихъ (сальныхъ), чи тихъ паньскихъ?

— Паньскихъ, да принеси бутылку вина и двѣ коробочки запалокъ (снччекъ).

— Чую.

— Когда же ты принесешь?

— А въ ночі.

— Ну постарайся же, а я дамъ на водку.

— Та я жъ вогорю, що сіюгодня приідеу.

И я вручилъ незнакомому руснаку три рубля монетою.

Вечерь сдѣлался бурный, но несмотря на это, къ концу его, когда я уже ложился спать, скрынула дверь, и посланный мой, обмокниій отъ дождя, вошелъ, держа подъ мантой шерстяную торбу — неразлучную дорожную сумку руснака. Всѣ требуемые принасы оказались лучшаго качества и необыкновенно дешевы.

— Какъ же ты ухитрился? спросилъ я контробандиста.

— Теперь самая лучшая *доба* (пора).

— А кордонные?

Руснакъ махнулъ рукою.

— Той теперь ненобачить, сказалъ онъ.

Впоследствии я замѣтилъ, что многіе руснаки солдатъ пограничной стражи называютъ мѣстоименіемъ *той* (тотъ).

— А если бы увидѣлъ? спросилъ я.

— То уже наше дѣло. А щобъ йому зо бариниъ зъ мене сіюгодня? Отъ якъ беремо у австріяка *горіску* (водку), то якъ треба мнѣ око, и купую два, бо якъ *той* спотка (встрѣтитъ), треба ся поділити.

Я разстался съ услужливымъ руснакомъ, и, посѣщая потомъ Буковину, разумѣется не пользовался услугами подобнаго рода, потому что бралъ съ собою порядочные запасы. Миѣ какъ то везло приобретать расположеніе простомодноровъ, и я узналъ многія продѣлки. Интереснѣе всего какъ приобретается въ Австрійи водка, которая гораздо дешевле и несравненно лучше бес-

сарабской. Здѣсь границей узенькій Дибѣстръ. Бессарабскіе рыбаки ѣздятъ въ челнокахъ до половины рѣчки, а галиційскіе въ такихъ же лодочкахъ шныряютъ у своего берега. Условившись съ заграничнымъ собратомъ о количествѣ водки, руснакъ нашъ выѣзжаетъ передъ сумерками на ловлю. Галиціанинъ привязываетъ небольшой боченокъ къ своей лодкѣ и ловко передаетъ пріятелю бичевку, а нашъ прикрѣпляетъ ее къ гвоздику и приплываетъ къ своему берегу. Штука очень простая, и если домограницки не ловятъ водки, такъ вѣроятно потому, что и сами пользуются запрещеннымъ, но отличнымъ и дешевымъ товаромъ. Собственно въ большихъ размѣрахъ контрабанда идетъ въ Бессарабію по сухой границѣ и чрезъ Прутъ, или по границѣ Подольской губерніи, слѣдуя по двумъ направленіямъ: чрезъ Хотинъ, гдѣ большіе ея склады, и чрезъ мѣстечко Бричаны, откуда уже развозится внутрь имперіи. Занимаются этимъ дѣломъ преимущественно евреи, но есть и нѣсколько руснаковъ извѣстныхъ контрабандистовъ. Придѣбестровскіе же обитатели вверхъ тоу Хотина, какъ я сказалъ уже, достаютъ вещи для собственнаго употребленія, занимаются переправой скота и лошадей и помогаютъ евреямъ въ невозвратныхъ аферахъ.

Руснаки трудолюбивы, но богатыхъ очень немного, вѣдствіе особенныхъ условій тамошняго крестьянскаго быта, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ. Воздѣлывается здѣсь, какъ и вообще во всей Бессарабіи, преимущественно кукуруза, составляющая, можно сказать, единственную пищу земледѣльца. Жителю отдаленныхъ губерній покажется невѣроятнымъ, но въ Бессарабіи просто-подлинъ питается одной *мамалигой*. Незатѣливое это кушанье готовится изъ кукурузной муки и замѣняетъ всевозможныя кушанья. Обыкновенно кипятятъ воду въ котелкѣ и по мѣрѣ кипѣнія подбрасываютъ горстями муку, помѣшивая ее ложкою. Когда сварится тѣсто, его выбрасываютъ на чистую дощечку или на низенькій круглый столъ, имѣющей для этой цѣли, и транеза готова. Разрѣзываютъ мамалыгу шпкой и ѣдятъ съ молокомъ, творогомъ, масломъ, соевыми огурцами, смотря по обстоятельствамъ. Простывшая, она замѣняетъ хлѣбъ, который по деревнямъ большая рѣдкость. Дѣти, которыя вездѣ обыкновенно часто ѣдятъ, въ Россіи просятъ хлѣба, хлѣбушка, въ Малороссіи *нали*, а здѣсь обращаются къ матерямъ съ просьбою *мамалижки*. Даже собакамъ и кошкамъ бросаютъ мамалыгу.

лыгу. Не знаю въ какой мѣрѣ пища эта питательна, но она чрезвычайно насыщаетъ, и я не видѣлъ въ Бессарабѣ другихъ бушаневъ какъ борщъ (непохожій на малорусскій) и мамалыгу; первый однакоже попадается рѣдко. Развѣ у *резачей* (собственниковъ) да у зажиточнаго крестьянина и то по праздникамъ, появляется на столѣ мясо, но обыкновенно готовится мамалыга. И скоро и удобно. Мнѣ самому приходилось по нѣсколькимъ дней питаться этимъ блюдомъ, и хотя сначала казалось оно мнѣ приторнымъ, однако скоро къ нему привыкаешь, и со свѣжичь, хорошимъ масломъ можно ѣсть его съ удовольствіемъ.

Изба у русака малорусская, съ трюю только разницею, что по большей части нѣтъ дымовыхъ трубъ, а дымъ выходитъ круглымъ отверстіемъ въ сѣни, и по своему обыкновенію наполняетъ и комнату. Мебель и прочія принадлежности болѣе сходны съ молдавскими, въ особенности множество ковровъ и ковриковъ, прибитыхъ и постланныхъ, гдѣ только представляется возможность, отличаютъ русацкую хату отъ малорусской. Чистая изба, предназначенная для гостей, убрана вездѣ очень хорошо, развѣ уже хозяйинъ такой бѣднякъ, что гѣшится въ одной кѣлтѣ. Обычай этотъ, впрочемъ, соблюдается не по всей нашей Буковинѣ—здѣсь за Хотиномъ по Дибетру народъ живетъ довольно убого, но все гдѣ, по возможности, коврики постланы хоть по лавкамъ. У зажиточныхъ по лавкамъ кладутся еще и войлоки. На постели положена цѣлая груда подушекъ съ цвѣтными каймачи и пирамида одѣяль и ковровъ, согнутыхъ въ четверо, предназначенныхъ на приданное дочерямъ. Образъ жизни русаковъ ничѣмъ не отличается въ сущности отъ повсемѣтнаго крестьянскаго; здѣсь, какъ и вездѣ, увидите вы—постоянный, часто неблагодарный трудъ и заботы о хозяйствѣ. Земледѣльческія орудія и вся домашняя утварь тѣ же, что у малорусовъ за исключеніемъ молдавскаго топора (*барда*), котораго я не встрѣчалъ нигдѣ, кромѣ Бессарабѣ. Обыкновенная сѣкира есть и у русаковъ, служащая для рубки дерева, но *барда* употребляется собственно при обтесываніи. Полное очертаніе барда напоминаетъ великорусскій топоръ, но вырѣзка въ немъ дѣлается его болѣе легкимъ и, какъ говорятъ, удобнымъ. Плугъ, борона, вилы, грабли, коса, рало—не отличаются отъ употребляемыхъ на Украинѣ, только воловья ярма еще донотонше малорусскихъ. Конныя новозки очень невѣстительны и всегда дѣлаются съ